

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШТАФТА В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ COVID-19

Островский Н.О.¹⁵

Угроза заболеванием Covid-19 стала главной на повестке дня, вытеснив из массового сознания проблемы более глобального характера: надвигающийся мировой финансовый кризис, социально-политические противоречия в западном мире и кризис традиционных институтов власти. В связи с этим в статье угроза Covid-19 рассматривается как универсальная политическая константа, которая оказывает глобальное влияние на изменение мирового порядка. При всей внешней стагнации локдаунов Covid-19 делает социальную реальность еще более пластичной, позволяя завуалировано её менять при умелом проведении информационной политики. Однако интеллектуальная интрига Covid-19 заключается в том, что даже при проведении целенаправленной политики с использованием данной константы невозможно предсказать всех возможных социальных и политических последствий. В этой связи в статье поднимается вопрос об актуальности изучения опыта борьбы с Covid-19 в других странах, а также те возможные действия, которые могли бы предпринять российские власти для укрепления доверия между институтами власти и гражданским обществом.

Ключевые слова:

Коронавирус, коронакризис, ФРГ, Бразилия, Болсонару, биополитика, Россия, ФРС, США, власть, общество, экономика, политика, Меркель, КНР, социум.

---

¹⁵ Островский Никита Олегович - аспирант философского факультета МГУ; nikitaostrovskii1994@gmail.com

До сих пор невозможно с точностью определить цепь событий, повлекших за собой распространение коронавируса. Несмотря на обнаружение первых очагов заболевания в КНР в декабре 2019 г. и характер принятых властями второй экономики мира ограничительных мер, ВОЗ объявила всемирную пандемию Covid-19 лишь 11 марта 2020 г., когда коронавирусом оказались затронуты уже США, ведущие страны Европы и Латинской Америки. Несвоевременность принятых мер Всемирной организацией здравоохранения свидетельствует не столько об отсутствии адекватной оценки степени угрозы коронавирусной инфекции, сколько об изначальном отсутствии общего научного подхода в лице мирового сообщества для борьбы с распространением Covid-19.

Примечательно, что активная фаза пандемии началась на фоне прогнозируемого глобального экономического кризиса и политической турбулентности. Напомним об основных кризисных факторах на начало марта 2020 г.:

- 1) старт президентской кампании в США;
- 2) экономическая война между США и КНР;
- 3) серия конфликтов на Ближнем Востоке (Ливия, Сирия, Йемен);
- 4) срыв сделки стран ОПЕК, обвал цен на нефть;
- 5) обострение противоречий в ЕС (мигрантский кризис, евроскептицизм, дискуссии о разграничении стран Евросоюза на первичную и вторичную зоны);
- 6) попытки международной интервенции в Венесуэлу;

7) недовольство современной неолиберальной капиталистической системой в странах западного мира.

Совокупность множества политических, экономических и социальных противоречий на фоне всеобщей массовой истерии естественным образом обращает заболевание Covid-19 в универсальную политическую константу, объективное определение которой становится заранее невозможным без ангажированных оценок и политических спекуляций при участии СМИ. Справедливости ради стоит отметить, что среди представителей научного сообщества единая оценка относительно коронавирусной инфекции, как и подход в разработке вакцины, не были сформированы до сих пор. Таким образом, глобальный коронакризис становится не только катализатором накопившихся экономических, социальных и политических проблем, но также новой фундаментальной составляющей современной информационной политики.

Нельзя не отметить, что распространение Covid-19, запустив процессы турбулентности в ряде развитых и развивающихся стран, уже наметило преобразование политического контура отдельных стран и регионов, окончательное завершение которого будет установлено только постфактум. Другими словами, вспышка пандемии открывает для нас новый ящик Пандоры.

В связи с этим для внешнего наблюдателя трансформация коронавирусом политического поля представляет собой отдельный интерес: многообразие политических форм и отсутствие единого подхода по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, т.е. общего вектора

движения, обрекают политические процессы на стремительное ускорение (при всей внешней стагнации локдаунов и однообразности информационной повестки), которое, в свою очередь, сопровождается фактором неожиданности и неопределенности, соответственно открытием целого окна возможностей.

В связи с этим заслуживает отдельного интереса опыт борьбы ряда стран с распространением Covid-19, анализ действий правительства и изменения общей конфигурации власти. Рассмотрим изменение политического ландшафта Бразилии и ФРГ в период пандемии.

Бразилия представляет для нас интерес как первая экономика среди стран Южной Америки и как одна из наиболее пострадавших стран во время пандемии Covid-19. В западном экспертном сообществе Бразилию представляют как страну с «дефектной» демократией¹⁶. Согласно индексу трансформации Бертельсманна (ВТИ), Бразилия классифицируется как неполноценная демократия со значением 7,4/10. Напомним, что уровень политического развития страны в рамках данного индекса отображается по пяти критериям: государственность¹⁷, участие в политической жизни, верховенство закона, стабильность институтов, а также политическая и социальная интеграция. Приведем только основные характеристики.

Бразилия получила 8 баллов в категории государственности. Дефицит можно увидеть, прежде всего, в политике безопасности и правоохранительной деятельности.

¹⁶ Согласно классификации В. Меркель, политические режимы делятся на автократию, дефектную и встроенную демократию.

Гражданские права предоставлены большинству населения конституцией, поэтому национальная идентичность Бразилии оценивается в 9 баллов. По данным ВТИ, основная государственная служба в Бразилии не отвечает требованиям по обеспечению населения инфраструктурным обеспечением. Доступ к источникам воды и санитарным условиям не гарантируется для всего населения. Социальное неравенство, коррупция и насилие - главные проблемы в этой сфере.

По сути, Бразилия конституционно выглядит демократией. Поскольку формальное осуществление демократических механизмов не всегда обеспечивается, можно говорить только о неполноценной демократии с автократическими тенденциями, которые лишь усилились после прихода к власти Жаира Болсонару. Ситуация примечательна и тем, что по сравнению с другими странами Латинской Америки, Бразилия имеет самый низкий рейтинг одобрения демократии. Население предпочитает другие формы правления, такие как автократия, что связано с низким уровнем удовлетворенности демократией - 9% (ВТИ 2020).

Противостояние Бразилии пандемии COVID-19 официально начинается 5 марта. В течение следующей недели правительство начало сдерживать распространение вируса и закрывать второстепенные магазины и предприятия в крупных городах страны. Но президент Болсонару на следующий день выступил против этих мер предосторожности. На протяжении всей борьбы с

¹⁷ Государственность состоит из подкатегорий монополии на применение силы, государственной идентичности, свободы религии и административной структуры.

коронавирусной инфекцией Болсонару последовательно придерживается курса, из-за которого его можно назвать ковидоскептиком:

1) критика региональных и федеральных властей за ограничительные меры, вплоть до отставки министров и давления на судебную власть;

2) стремление к максимально возможному сохранению рабочих мест и предприятий. В самый разгар пандемии Болсонару охарактеризовал салоны красоты, парикмахерские и тренажерные залы как основные предприятия сферы услуг;

3) критика международных организаций, в первую очередь ВОЗ, обвинение их в попытках давления и отказ от рекомендаций;

4) создание позитивного дискурса на фоне распространения Covid-19, в т.ч. проведение аналогии между коронавирусом и гриппом (впоследствии бразильского президента неоднократно критиковали западные СМИ под предлогом распространения фейковой информации);

5) личное появление Болсонару перед общественностью: неоднократные посещения президентом торговых центров, работа с Twitter-аккаунтом, в т.ч. рекомендации гражданам по использованию гидроксихлорохина, несмотря на противопоказания со стороны ВОЗ;

6) отказ от запрета на массовые мероприятия и введение карантина в школах, за которые президентом были подвергнуты жесткой критике губернаторы регионов и мэры городов;

7) дотационная поддержка бразильцев, ежемесячные выплаты нуждающимся в размере от 108 до 217 долл. (для матерей-одиночек). По данным правительства, ок. 67 млн

граждан начали получать помощь с апреля текущего года.

Во время пандемии бразильский лидер не раз отмечался эпатажным поведением. Так, по состоянию на 29 апреля в стране погибло более 5000 человек. Отвечая на вопрос журналистов у своей президентской резиденции, Болсонару произнес: «Ну и что? Мне очень жаль, но что мне делать?» За это был в очередной раз подвергнут критике западными и оппозиционными СМИ.

Однако самым важным изменением внутренней политики Бразилии в период распространения Covid-19 стала ее **милитаризация**. С начала правления Болсонару сменилось двенадцать министров, причем, многие из них были уволены во время пандемии коронавируса. Два министра здравоохранения были уволены из-за курса на изоляционистскую политику и введение ограничительных мер. После этого Болсонару назначил министром здравоохранения генерала Эдуардо Пасуэлло, не имевшего опыта работы в области медицины или здравоохранения. На сегодняшний день военные контролируют 9 из 22 министерств. С назначением генерала Вальтера Соуза Брага Нетто главой таможни и Эдуардо Пасуэлло министром здравоохранения Palácio do Planalto был полностью «военизирован». Помимо этого, важные должности в правительстве занимают бывшие военнослужащие, такие как сам президент и вице-президент Гамильтон Моуран. Сам Болсонару во время пандемии открыто хвалил двухлетнюю военную диктатуру Бразилии.

Парадоксально, но несмотря на большие демографические потери из-за

пандемии¹⁸, последовательную критику западных СМИ, нападки оппозиции и региональных властей, экономический спад Бразилии и приближение страны по своей политической структуре ко временам военной диктатуры, рейтинг Болсонару за время пандемии только вырос. Несмотря на радикально проводимый курс, его показатель по состоянию на сентябрь составил 40% против 29% в декабре прошлого года, а количество сторонников президента превысило количество его противников, - это самый высокий показатель доверия Болсонару с начала его правления.

Разумеется, по окончании пандемии Болсонару в случае дальнейших успешных действий сможет записать себе в актив проводимую им лично политику по борьбе с Covid-19, который будет играть ему на руку в долгосрочной перспективе. Учитывая то, что следующие президентские выборы в Бразилии пройдут в 2022 г., Болсонару своими действиями пока успешно вписывается в грядущую избирательную кампанию.

Опыт ковидополитики в Бразилии показывает, что несмотря на пессимистичную информационную картину, выражающуюся в виде массовой истерии, пандемия Covid-19 вовсе не представляет для действующей власти однозначных рисков, которая будто изначально обречена на столкновение с целым комплексом негативных последствий. Наоборот, для действующей власти пандемия открывает целое окно возможностей, в том числе для повышения своего рейтинга и сведения политических счетов с оппонентами.

Пример Бразилии показал нам, что несмотря на внешне противоречивый и агрессивный информационный фон, сопротивление общества в лице региональных и федеральных властей, действия бразильского президента в конечном итоге привели к прямо противоположному результату. В конечном счете, это были вынуждены признать даже западные СМИ, часто сравнивавшие Болсонару с фигурой Дональда Трампа.

Анализ результатов ковидополитики Германии тем более интересен на фоне сравнения с Бразилией, потому что в отличие от второй она принадлежит к типу стран со “встроенной”, т.е. образцово работающей демократией. Страны данной категории действовали на протяжении пандемии строго в соответствии с нормами ВОЗ, в т.ч. вводили массовые меры по ограничениям и диспансеризации. Как результат, критика западных СМИ альтернативного бразильского подхода. Если сравнивать работу властей ФРГ с действиями Болсонару, то становится очевидным, что немецкое правительство во время пандемии действовало прямо противоположным образом:

1) общий подход региональных и федеральных властей по ограничительным мерам (различия наблюдались лишь на региональном уровне за счет традиционного немецкого федерализма). Наиболее жесткие ограничительные меры были введены в Свободном государстве Бавария, тогда как в Берлине был проведен относительно “мягкий” локдаун;

¹⁸ По состоянию на 20.10.2020 г., 5 251 127 случаев заболеваний, из них - 154 226 смертельных.

2) временное закрытие рабочих предприятий, в т.ч. производственных и сферы услуг. Снятие ограничений происходило только на фоне прохождения пика заболеваемости Covid-19. Трудоустройство граждан в гражданские службы в качестве вспомогательного персонала для борьбы с пандемией и усиления контроля за вспышками заболеваний коронавирусом;

3) сотрудничество с международными организациями и, в первую очередь, с ВОЗ. Опора правительства в принятии решений на экспертные оценки исследовательских центров, в первую очередь, на немецкий Институт Роберта Коха;

4) создание транспарентного дискурса на фоне распространения Covid-19, в т.ч. максимальная подача информации о степени угрозы коронавирусной инфекции. Активная работа медицинского и научного сообщества в соцсетях, ведение ставших уже популярными онлайн-блогов врачей клиники Charite и медицинских экспертов;

5) показательная самоизоляция Ангелы Меркель и членов ее правительства: регулярные телеобращения к гражданам, призыв к соблюдению правил гигиены и социального дистанцирования;

6) запрет на проведение массовых мероприятий, как минимум, в течение года, введение карантина в школах и учебных заведениях. Проведение учебного процесса в онлайн-режиме;

7) оперативная разработка целого комплекса мер по финансовой поддержке граждан, пострадавших от пандемии. Особенно известны стали меры по оказанию помощи самозанятым, которым в упрощенном

порядке единовременно выплачивалась сумма сначала в 5000, потом 7000 евро. Студентам, лишившимся из-за пандемии рабочих мест, также полагались троекратные выплаты в размере от 100 до 500 евро. Временный “локдаун” для квартиросъемщиков.

Помимо этого, немецкое правительство оперативно следило за развитием ситуации Covid-19. При очевидном спаде угрозы правительства регионов переходили к постепенному снятию ограничительных мер для возобновления работы производственных предприятий и сфер услуг. Характер социально-рыночной экономики Германии к тому же позволял использовать альтернативные методы защиты незащищенных групп граждан. В первую очередь это относится к наемным рабочим, ответственность за которых должен был нести работодатель.

По окончании “первой” волны Covid-19 можно констатировать уверенный рост популярности правительства Ангелы Меркель. Несмотря на то, что предыдущие годы в ее политической карьере были не самыми удачными, в первую очередь благодаря мигрантскому кризису и долгому пребыванию у власти. Однако в середине сентября текущего года фигура Меркель возглавила рейтинг доверия среди жителей развитых стран. Если бы сейчас проводились выборы в Германии, она бы с уверенностью заняла в очередной раз пост канцлера ФРГ (см. рис. 1).

Тем не менее, Меркель заявила о снятии своей кандидатуры на следующих выборах в ФРГ. Поэтому все наработанные ею достижения во время пандемии постараются использовать ее соратники по партии, которые смогут упрочить свое положение на следующих

выборах в Бундестаг. По данным текущих опросов, в случае проведения досрочных парламентских выборов партия ХДС набрала бы 37% против 32,9% на прошедших выборах в 2017 году (см. рис. 2).

Поскольку Германия является страной представительной демократии и первой экономикой ЕС, результат следующих выборов окажет значительное влияние на судьбу Европы. Однако, несмотря на сохранение позитивной динамики доверия к ХДС и фигуре Меркель, в немецкой политике наблюдается параллельный тренд, который является негативным для всех парламентских партий Германии - формирование т.н. "антиковидного" движения.

В этой связи вызывает особый интерес опыт борьбы с распространением Covid-19 в ФРГ, где эффективные действия правительства республики, связанные с ограничительными мерами и строгим следованием рекомендациям ВОЗ, неожиданно для федерального правительства привели к такому негативному эффекту как создание совершенно нового оппозиционного движения, одним из частных проявлений которого стала попытка штурма Бундестага 29 августа во время последней массовой Anti-Corona-Demo, где принимало участие по разным оценкам от 38 до 100 тыс. человек.

Выше уже было сказано об универсальности информационной константы Covid-19. В период пандемии дискурс общественной и политической жизни начинает выстраиваться вокруг фундаментальной проблемы биополитики - сохранения жизни граждан, т.е. борьбе с угрозой заболевания коронавирусом. Происходит регламентация

общественной жизни на основе проводимого правительством комплекса защитных мер. Обратной стороной данного процесса является еще большее разворачивание биополитики государственных институтов и, таким образом, усиление смычки между коронавирусом и властью.

Поскольку сам коронакризис обостряет уже накопившиеся в обществе социальные противоречия, то естественным выплеском общественного недовольства становится критика и недоверие в отношении проводимых мер ограничительной политики, которая информационно всецело выстраивается на опасности заболевания коронавирусом. Соответственно, за ней последует общая антисистемная критика государственных институтов, и здесь константа борьбы с коронавирусом становится уже аккумулярующим фактором антисистемного протеста, как это показала 1 августа первая антиковидная демонстрация, когда в 500 метрах от здания Бундестага вышли в полном согласии колонны правых, левых, ЛГБТ-активистов, криптофашистов (рейхсбюргеры) и т.н. "Querdenker", которых можно определить как сторонников теорий заговора. Спикеры принимавших участие сторон прямо критиковали систему парламентской демократии ФРГ и все партии Бундестага (в т.ч. AfD), в частности, упрекая их в зависимости от неолиберальной политики Меркель, которая на деле подрывает фундаментальные основы Германии и отстаивает интересы мировой олигархии, навязывая немецкому населению правила толерантности, т.н. "новую нормальность".

Поскольку среди научного сообщества в отношении коронавируса до сих пор не выработано единой устоявшейся позиции, то идеологическое поле ныне формирующегося антиковидного движения переплетается с паранаучными и конспирологическими теориями: среди пассионарных участников антиковидных демонстраций можно встретить сторонников оккультизма, теорий заговоров (пицца-гейт), гипотез о существовании Атлантиды и Лемурии и общем происхождении германцев и славян (одна из причин наличия российских флагов на демонстрациях и симпатий участников по отношению к России).

На практике это не означает, что антиковидное движение формируется исключительно активистами, которых можно упрекнуть в слишком свободных взглядах. Наоборот, базис движения составляют представители “глубинного народа” Германии, которые считают, что их мнения уже давно не выражают системные парламентские партии, и принадлежат к среднему и рабочему классу. Они прекрасно находят общий язык вместе с другими участниками движения и сходятся в негативной оценке проводимого курса правительством Меркель, которое в начале и конце августа было застигнуто врасплох Anti-Corona-Demos.

Напомним, что 1 августа в первой демонстрации приняли участие, как минимум, несколько десятков тысяч человек. Полиция Берлина заявила только о 20 тысячах участников (впоследствии была названа цифра в 30 тысяч). 29 августа, когда произошла попытка штурма здания Бундестага, по данным полиции, уже во второй демонстрации приняли участие 38 тыс.

чел. В свою очередь, организаторы антиковидного марша обвинили власти и крупные СМИ в искажении данных. По их мнению, в каждой демонстрации приняли участие несколько сотен тысяч человек (некоторые спикеры называли цифру в один миллион). Но, правда, как всегда, посередине.

Интересно отметить, что несмотря на несформированность идеологии и наличие сторонников конспирологических теорий, участники движения выступают за прагматичный подход во внешней политике, где, по их мнению, национальные интересы Германии являются заложниками интересов внешних сил. Так, они позитивно воспринимают фигуру Владимира Путина и выступают за конструктивное развитие российско-немецких отношений, которым мешают США и ряд транснациональных корпораций.

Таким образом, обратной стороной проведения немецким правительством жёстких мер по ограничению распространения Covid-19 становится появление нового антисистемного протеста, который начинает аккумулировать в себе всевозможный спектр несистемных оппозиционных сил, консолидированное участие которых в протестных акциях накануне коронакризиса невозможно было себе представить. В этой связи нельзя не отметить объединительную силу коронавируса и мистицизма.

Неискушенному наблюдателю может показаться, что антиковидное движение в ФРГ является стихийным и представляет собой частный случай в немецкой политике. На деле это не так. На фоне жестких ограничительных мер антиковидное движение постепенно набирает обороты в других странах Европы со “встроенной” демократией.

На первом плане здесь выступает Великобритания, где одним из лидеров движения является противник теории глобального потепления и брат главы Лейбористской партии Пирс Корбин. Так, 29 августа в Лондоне прошла демонстрация с участием около 10 тыс. протестующих. Антикovidные демонстрации начинают появляться также во Франции и Италии, которые больше всего пострадали от пандемии среди стран ЕС после Испании.

Возвращаясь к Германии можно отметить, что, вопреки провалившейся мирной попытке штурма Бундестага, участники движения по-прежнему намерены добиваться своих целей исключительно демократическим путем. Здесь интересно отметить особенность стран со “встроенной” демократией, которые в случае ФРГ предоставляют возможности ковидоскептикам играть против действующего правительства. Несмотря на то, что сенат Берлина старается противодействовать новым Anti-Corona-Demos, ссылаясь на комендантский час, участники движения все равно отстаивают свое право на проведение свободных собраний через независимые суды.

Учитывая то, что следующие парламентские выборы ФРГ пройдут в 2021 г. (с 29 августа по 24 октября), Anti-Corona-Bewegung еще успеет внести свой вклад в немецкую политику, делая их результат еще более непредсказуемым.

Опыт борьбы с пандемией в ФРГ в очередной раз показывает, что пандора Covid-19 открывает совершенно новые вызовы даже перед властями экономически благополучных государств со “встроенной” демократией. Эффективная и внешне образцовая политика правительства Меркель неизбежно повлекла за собой

непредсказуемые побочные эффекты в виде формирования нового антисистемного протестного движения.

Разумеется, если мы обобщим опыт изменений политического ландшафта в Бразилии и ФРГ в период пандемии, нетрудно будет догадаться, какую преобразующую роль несет в себе глобальная угроза Covid-19 не только в экономике, но также в глобальной политической конфигурации. Причем, даже в тех странах, где конфликт между производительными силами и производственными отношениями еще не доходит до крайней степени обострения. Как следствие, применение классической марксистской оптики не является достаточным для анализа происходящих процессов, в рамках которой антиковидное движение можно обозначить лишь как форму завуалированного протеста прекариата против устоявшейся неолиберальной политической системы.

Исследование мирового опыта ковидополитики позволяет не только следить за динамикой политических процессов в отдельных странах, но также сформировать список рабочих рекомендаций, которые окажутся эффективны применительно к российским реалиям, что позволит также властям страны избежать непреднамеренных ошибок и наработать себе политический актив в период пандемии.

В связи с наступлением второй волны заболевания Covid-19 для действующих институтов власти РФ целесообразно перейти к следующим мерам:

- 1) поддержка незащищенных слоев населения, пострадавших в результате пандемии. Опыт Бразилии показал, что даже небольшие массовые выплаты населению в долгосрочной

перспективе значительно повышают рейтинг доверия к власти, несмотря на изначально слабую поддержку среди граждан. В качестве дополнительных мер, следует активно привлечь безработных граждан для усиления контроля над распространением заболевания Covid-19 (опыт ФРГ). В этой связи следует отметить растущее недовольство населения по отношению к медицинскому персоналу (известны случаи, когда врачи пытались намеренно заразиться Covid-19 для получения дополнительных выплат). Часть средств, выделяемых на медперсонал, можно перевести на содержание вспомогательного персонала, формирующегося за счет безработных граждан;

2) отказ от жесткого варианта введения ограничительных мер в пользу сохранения рабочих мест, это должно касаться не только производственных предприятий, но также сферы услуг;

3) отказ властей на запрет проведения протестных акций под угрозой заражения коронавирусом. Опыт Хабаровского края показывает, что данные меры не работают. При масштабировании протестной активности попытки использования ковидной повестки против митингов не приведут к успеху по подавлению протестов. Данные меры приведут к их радикализации, в том числе к обрушению информационной политики и общей критике государственных институтов;

4) в случае расширения протестной активности государству следует разрешить проведение массовых собраний, мотивируя это соблюдением конституционных свобод граждан и предоставить им право самостоятельно отвечать за свои действия. Примечательно, что после проведения

массовых Anti-Corona-Demos, число инфицированных в Берлине не повлияло на общую статистику заболеваний;

5) как следствие, властям следует дистанцироваться от использования Covid-19 для решения моментальных внутриполитических задач, сосредоточившись исключительно на выполнении функций по защите здоровья граждан и их экономического благосостояния, тем самым сконцентрировавшись на долгосрочном повышении доверия;

6) как показывает опыт Болсонару, активное включение первых лиц государства в борьбу с пандемией, личное появление перед общественностью играет только на укрепление доверия среди граждан. На фоне всеобщей опасности следует демонстрировать смелые и решительные действия. В конечном счете, западные СМИ были вынуждены признать, что среди своих сторонников фигура бразильского президента пользуется репутацией национального героя.

Расширение списка данных рекомендаций и их техническую проработку можно оставить на усмотрение штабов по информационной политике. Главное, чтобы медийные проекты обязательно подкреплялись конструктивными мерами по отношению к гражданину: коронакризис дает новый запрос на социальную справедливость и объективную критику СМИ. В этом отношении для участников политического процесса пандемия представляет собой целый набор возможностей по изменению политического ландшафта России и непрямоу решению ряда внутриполитических задач, которые нельзя упускать. Наоборот, занятие реактивной позиции приведет только к появлению побочных негативных

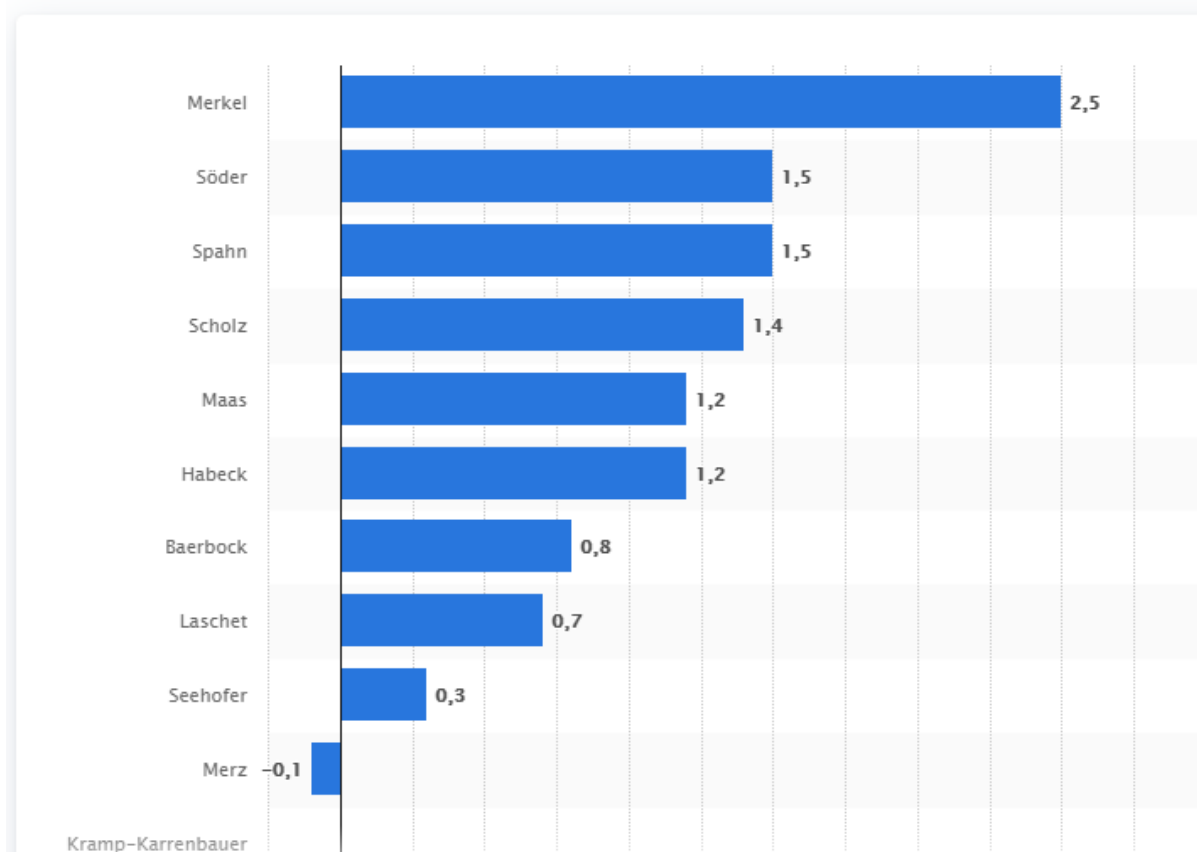
эффектов, которые затем проявятся в виде резкого роста общественного недовольства государственными институтами.

Поэтому государству следует сосредоточиться на долговременной и проактивной работе, нацеливаясь на выстраивание за счет угрозы Covid-19 многофункционального медийная проекта, который в долгосрочной перспективе будет работать исключительно на пользу гражданам страны. В этой связи по окончании пандемии можно будет провести, например, критику региональных

властей, которые на фоне конструктивной работы федеральных проектов не везде и не всегда показывали политическую и экономическую состоятельность, что, соответственно, снижало доверие граждан. Таким образом, коронакризис представляет собой не столько угрозу государственным институтам власти, сколько готовый инструмент по трансформации политического поля отдельных стран и регионов.

Приложение

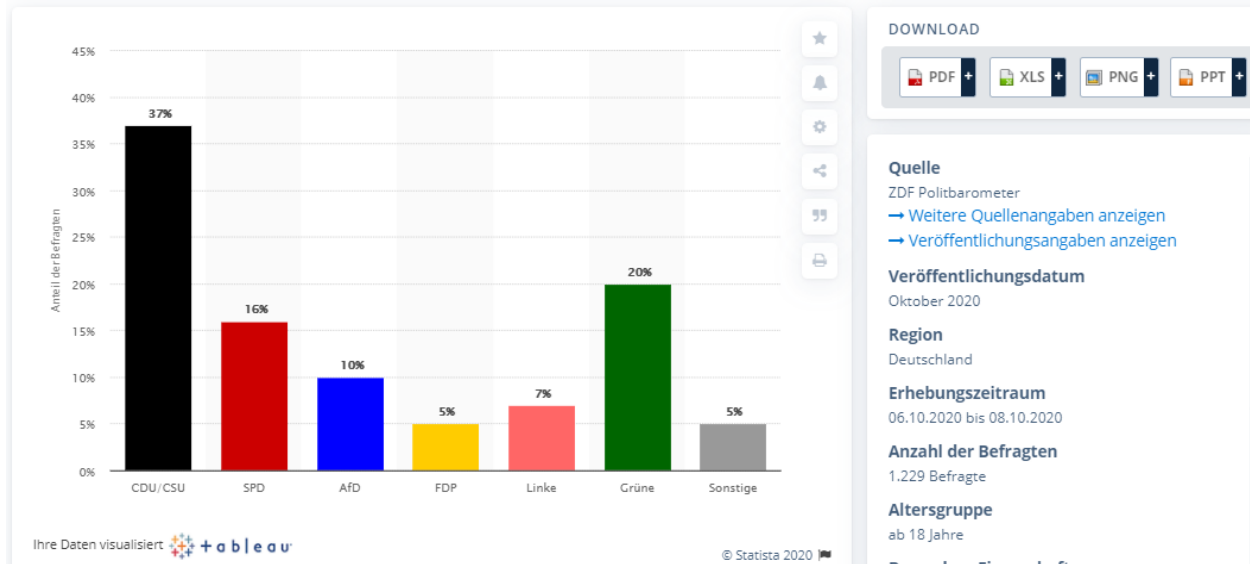
Noten für deutsche Spitzenpolitiker im Oktober 2020

Рис. 1. Рейтинг доверия политикам

Welche Partei würden Sie wählen, wenn am nächsten Sonntag (11. Oktober 2020) wirklich Bundestagswahl wäre?

(Projektion*)

Рис. 2. Рейтинг партий

CHANGING THE POLITICAL LANDSCAPE IN THE ERA OF THE COVID-19 PANDEMIC

Nikita Ostrovsky- Post-graduate student of the Faculty of Philosophy of Moscow State University; nikitaostrovskii1994@gmail.com

The threat of Covid-19 disease has become the main one on the agenda, displacing from the mass consciousness problems of a more global nature: the impending global financial crisis, socio-political contradictions in the Western world and the crisis of traditional institutions of power. In this regard, the threat of Covid-19 is viewed as a universal political constant that has a global impact on changing the world order. With all the external stagnation of lockdowns, Covid-19 makes social reality even more plastic, allowing it to covertly change with a skillful implementation of information policy. However, the intellectual intrigue of Covid-19 is that even with a targeted policy using this constant, it is impossible to predict all possible social and political consequences. In this regard, the article raises the question of the relevance of studying the experience of combating Covid-19 in other countries, as well as the possible actions that the Russian authorities could take to build trust between government institutions and civil society.

Key words:

Coronavirus, coronavirus, Germany, Brazil, Bolsonaro, biopolitics, Russia, FRS, USA, power, society, economy, politics, Merkel, China, society.